

УДК 141.30

ОТ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ К ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПРАГМАТИКЕ

Волков А.Г.

В статье обосновывается возможность экзистенциальной прагматики, а именно, ее предпосылки. Исследуется ее общность, а также различие с трансцендентальной прагматикой. Обосновывается необходимость субъекта дискурса, выделяются разновидности.

Ключевые слова: дискурс, прагматика, экзистенциализм, коммуникация, субъект

Предметом исследования выступают предпосылки экзистенциальной прагматики. **Целью** исследования является методологическое обоснование экзистенциальной прагматики.

Актуальность, степень научной разработанности и постановка проблемы. В отличие от трансцендентальной, где выявляются условия идеальной коммуникации, отвечающей этическим требованиям, экзистенциальная прагматика рассматривает причины и последствия нарушения моральных норм, что препятствует эффективности коммуникативного взаимодействия. Но это не означает, что она отвергает трансцендентальную; совсем наоборот, безусловно, признаются ее основные положения, поскольку только в этом случае возникают предпосылки для ее построения, поэтому она ориентируется на возможность идеального коммуникативного сообщества, в котором достижимо продуктивное дискурсивное взаимодействие, и, тем самым, подлинное существование. Кроме того, следует иметь в виду, что без опоры на трансцендентальную прагматику экзистенциальную подстерегает опасность полной релятивизации; а опасность состоит в том, что каждый политический субъект отстаивает «свою» истину, при этом отвергает критику в свой адрес, отождествляя ее с заблуждением, придерживаясь правила, согласно которому *каждый по-своему прав*, таким образом, попадая в сферу софистики, софистику экзистенциального характера. Чтобы избежать этой опасности, необходимо признание трансцендентальной прагматики, которая определяет условия существования идеального дискурса; поэтому следует не противопоставлять эти, на первый взгляд, противоположные по своим методологическим основаниям, прагматики, а рассматривать их в единстве, в качестве взаимодополняющих друг друга; при этом следует иметь в виду, что претензии трансцендентальной прагматики в том, что она описывает реально существующий дискурс, не имеют под собой оснований, в этом можно убедиться, обратившись к политическим работам Ю. Хабермаса [9]. Но этот недостаток можно оправдать, если принять во внимание, что ее основная цель состоит в установлении

основных предпосылок продуктивного коммуникативного взаимодействия, обоснование существования идеального коммуникативного сообщества, норм и правил, которые обеспечивают возможности успешной коммуникации; поэтому, когда Ю. Хабермас пытается исследовать реальный политический дискурс, ему удается ответить только на один вопрос: соответствует ли он нормам идеальной коммуникации.

Не вызывает сомнения, что вне обращения к субъекту исследовать прагматику политического дискурса вообще невозможно; при этом следует иметь в виду, что субъекта следует рассматривать не как результат абстрагирования свойств, снятия своеобразия, или на основе противопоставления чему-либо в качестве объекта, например, к природе, как это мы находим у Ф. Шеллинга, а в качестве того, кто в состоянии осмыслить свое существование [13]. Подчеркнем, что благодаря *обладанию смыслами*, которые являются содержанием его сознания, *каждый субъект обретает уникальностью и неповторимостью*. Хотя следует свести все многообразие политических субъектов к небольшому количеству, и выделить основные типы субъекта в зависимости от своеобразия используемых смыслов существования; при этом такое ограничение мы наблюдаем в самой природе субъекта по следующим причинам: во-первых, субъект *противопоставляет себя другому*, то есть субъекту с теми смыслами, которые он не может принять по тем или иным причинам, что приводит к ограничению разнообразия; во-вторых, *некоторый смысл, как правило, выделяется в качестве основного*, и по отношению к которому формируются другие, которые через него образуют некоторую целостность; например, для субъекта капитализма основным смыслом, безусловно, выступает необходимость овладения капиталом.

Основное преимущество экзистенциальной прагматики состоит в том, что она рассматривает дискурс не извне, со стороны норм и правил, которым он должен соответствовать; а изнутри, то есть со стороны смысла, который переживает субъект, и тем самым отстаивает себя; итак, за исходное принимается положение, что *необходимость артикулирования и выражения смыслов является первой причиной появления дискурса*; переживание смыслов является главной причиной, как отдельного высказывания, так и дискурса в целом, а не нормы и правила, которые заранее сконструированы наблюдателем дискурса, тем более что не отсутствует реальная возможность для их принудительного навязывания. Поставим такой вопрос: всегда ли субъект стремится к успешной коммуникации? Вполне возможно, что в зависимости от своеобразия смыслов, которые принимаются в качестве истинных, он стремится что-либо скрыть, что-либо не сообщать не только другому, но и самому себе, поскольку содержание высказывания противоречит общепринятым этическим нормам.

При *легализации субъективности* не следует противопоставлять рациональное и иррациональное, как это можно наблюдать в трансцендентальной прагматике; при этом не вызывает сомнения, что она основывается на допущении преимущества разума, на том, что он доминирует в дискурсивной практике. Экзистенциальная прагматика отказывается от такого признания, поэтому ограничивает его амбиции; при этом не отрицает, что именно *разум обеспечивает условия для идеальной коммуникации, что именно использование разума способно обеспечить выполнение этических норм*; но это не означает, что субъект полностью подчиняет самого себя

требованиям разума; поэтому мы придерживаемся точки зрения П. Слотердайка, что разум – это инструмент, который может использоваться самым различным образом, а его применение может не отвечать моральным требованиям, и поэтому он может быть и циничным [5]. Но опять же возникают такие вопросы: почему разум может быть циничным, является ли это необходимостью, от чего это зависит? В экзистенциальной прагматике предполагается, что это зависит *от своеобразия смыслов, которые являются содержанием сознания политического субъекта*; поэтому он может быть, например, не тотально циничным, а только отчасти, или, в одних случаях моральным, а в других аморальным; однако, если мы все внимание сконцентрируем на разуме, мы так и не выясним причины, почему он является таким, а не другим; в лучшем случае, нам удастся выяснить, каким образом проявляет себя обладающий своеобразием разум, например, циничный, и это действительно удалось П. Слотердайку. Можно продолжить, и предположить, что разум может быть изворотливый, саркастический, расчетливый и т. д.; но все же не удастся выяснить, почему разум является именно таким, в чем состоит причина его циничности, изворотливости, саркастичности и проч.; поэтому выдвигается положение, что его *использование определяется смыслами, посредством которых субъект реализует самого себя* – это и есть исходное утверждение, которое принимается в качестве постулата в экзистенциальной прагматике; тогда противопоставление рационального и иррационального не имеет никакого значения, поскольку установление смысла возможно только в их единстве. Неправильным также будет утверждать обратное, что прагматика дискурса *принимает приоритет иррационального*, например, обусловленность дискурса проявлением воли, и, тем самым, полностью отвергает возможность проявления разума; это неверно, поскольку продуцирование субъекта вообще невозможно вне применения разума; но поставим такой вопрос: так ли разумен сам разум, в состоянии ли он предусмотреть результаты использования самого себя? Исследование проблем Просвещения показали, что ответ на этот вопрос далеко не такой однозначный [10]. Итак, стало очевидно, что претензии разума более чем необоснованны; тем более что по этому поводу можно привести примеры из сферы своеобразия применения разума в политике, например, знаменитая фраза одного из политиков: «Мы хотели как лучше, а получилось как всегда», – относится к характеристике использования его в целях политического конструирования более совершенного мира. Проблема не в том, что с помощью разума невозможно познать истину, как раз наоборот, именно с помощью разума вполне можно ей овладеть, что и доказывают результаты научных достижений; проблема в том, *что существование основывается не на принудительном подчинении истине, а на смыслах, которые принимаются в качестве истинных*; поэтому сначала надо поставить следующий вопрос: можно ли посредством принимаемых смыслов вообще постигнуть истину. Оказывается, что *одну истину можно, а другую нельзя*; это и понятно, поскольку, именно от артикулируемых смыслов в сознании зависит, какая истина будет принята, а какая отвергнута; а проблема состоит в том, что забота о самом себе не может исключить субъективность таким образом, что будет полностью доминировать разум, как это предполагается в трансцендентальной прагматике. Поэтому в реальной политической практике разум используется так, *как это необходимо субъективности*; и мы должны признать, что такое применение

разума носит иррациональный характер, поскольку его использование определяет не он сам по себе, а субъективность; следовательно, претензии разума должны ограничиться только сферой познания объекта, который подчиняется детерминированности причинно-следственных отношений. И разум, к сожалению, не может претендовать на субъективность, которая сама способна к рефлексии, следовательно, в состоянии продуцировать сама себя, при этом *используя разум в качестве инструмента*. Можно ли предсказать своеобразие этого продуцирования, и предсказать возможное как то, что присутствует в основании будущего? Безусловно, можно, но для этого необходимо рассмотреть предпосылки экзистенциальной прагматики, что и является основной целью настоящего исследования, и мы сделали первый шаг, когда выделили, что ее предметам выступают смысл, который является основанием субъективного существования. Далее следует выявить, *от чего зависит и принятие и установление смыслов*; понятно, что их формирование зависит не от требований разума, не от норм и правил, которые добровольно принимаются участниками коммуникативного сообщества, от своеобразия субъективного видения, что, в конечном счете, как показал М. Хайдеггер, обусловлено необходимостью заботы о самом себе [11, с.147-160].

Можно ли с помощью разума определить содержание заботы о самом себе? Не вызывает сомнения, но переживание заботы не ограничивается сферой разума, да и в состоянии ли вообще разум что-либо переживать? Переживание – это сфера иррационального, проявления воли; а с помощью разума можно только выяснить причины того или иного переживания, но не более того; но мы вполне можем описать смыслы, которые артикулируются в сознании, в зависимости от чего и будет определяться содержание и своеобразие заботы. Кроме того, не вызывает сомнения, что смыслы, которые *бросает субъект свое основание*, не могут быть случайными; они всегда *образуют некоторую целостность, которую мы определяем как сущность субъекта*; при этом принимается, что эта целостность не обязательно должны быть непротиворечивой; совсем наоборот, иррациональность как раз в том и проявляется, что вполне мирно уживаются самые различные смыслы, что не соответствует требованиям разума, но, тем не менее, как мы покажем далее, их наличие можно наблюдать фактически в каждом из политических дискурсов; но из этого не следует, что своеобразие дискурса невозможно понять с помощью разума; как раз наоборот, разум вполне в состоянии выяснить их наличие, что мы и покажем в дальнейшем, но снять эти противоречия разум не в состоянии.

Выявление этих противоречий становится возможным с помощью критики (от греч. *kritike* – искусство разбирать, судить) политического дискурса, понимаемой как *искусство прояснения смыслов, которые положены в основание существования*. Критика дискурса предполагает выявление тех смыслов, которые бросает в основании самого себя субъект дискурса; это возможно, поскольку они образуют, как было отмечено, пусть даже противоречивую целостность, то *один смысл указывает, предполагает другой*; при этом нельзя сказать, что их обусловленность имеет характер причинно следственные отношений, скорее они образуют целое на основе взаимодополняемости, пусть даже предполагающей их несоизмеримость; и то, каким образом это возможно, можно понять, обратившись к работам Ж.-

П.Сартра [3; 4]. Таким образом, критика представляет собой выявление совокупности смыслов, которые использует субъект, а их единство и будет тем, что *мы называем сущностью субъекта*; при этом актуальность отдельного смысла, а соответственно характер осознания, не совпадают; например, одни из них обладают очень высокой значимостью, другие почти не принимаются во внимание, но это не означает, что они отсутствуют и субъект *«не знает»* о них; может показаться парадоксальным, но именно последние являются причиной поступков, оценок и проч., хотя сами по себе не принимаются во внимание; в этом ничего нет удивительного, поскольку любой субъект, имперский или подданный, протестный или субъект солидарности, капиталистический или социалистический выделяет одни смыслы *в качестве основных*, а другие – *периферийных*, а некоторые смыслы будут у них совпадать. Кроме того, будут присутствовать такие смыслы, наличие которых объясняется *необходимостью принятия моральных норм*, актуальность которых для коммуникации была показана в трансцендентальной прагматике, поскольку эти нормы не могут отрицаться, более того, субъект может провозглашать повинование им, но, поскольку они противоречат его сущности, они не принимаются во внимание, то есть фактически отвергаются как основания для существования; и, например, имперский субъект оправдывает агрессию, как ни парадоксально, на основании моральной аргументацией; поэтому можно сказать, что критика дискурса предполагает выявление таких *псевдоморальных обоснований*, и помогает понять их несоответствие действиям. Если нормы идеальной коммуникации носят *универсальный* характер, поскольку они должны быть приняты всеми участниками коммуникации, то нормы субъективного дискурса имеют *индивидуальный* характер, и принимаются только отдельными участниками; поэтому они обладают существенным своеобразием, выяснение которого требует проведения тщательного исследования; следовательно, если исследователь трансцендентальной прагматики имеет дело только с *одним идеальным дискурсом*, то исследователь экзистенциальной – *множеством дискурсов*, которые требуют классификации, а попытка описать каждого из них не может увенчаться успехом, хотя бы по причине их количества. Выше уже было отмечено, что каждый субъективный дискурс *неповторим*, как неповторим каждый из политических субъектов в конкретной исторической ситуации; так как его своеобразие в значительной степени зависит от состояния культуры, и не только политической; поэтому показать прагматическую неповторимость каждого из них фактически не представляется возможным; однако вполне возможно выделить наиболее *типичные совокупности смыслов*, и соответственно, *разновидности субъектов дискурса*. Критика необходима и для того, чтобы показать, каким образом смыслы, артикулируемые в дискурсе, реализуются в существовании, что и представляет основную проблему экзистенциальной прагматики; однако вряд ли нам удастся в полной мере выяснить, каким образом смыслы возникают, выявить своеобразие их понимания в конкретной исторической ситуации; надежда на то, что посредством использования разума можно понять экзистенциальные характеристики дискурса во всей полноте, вряд ли неосуществима; тем более, можно считать необоснованной претензию, что посредством *влияния на дискурс можно оказывать влияние на состояние субъекта*; и, несмотря на то, что возможности экзистенциальной

прагматики гораздо шире, чем трансцендентальной, тем не менее, они существенно ограничены.

Когда мы говорим критике, которой должен подвергаться субъект при исследовании экзистенциальной прагматики, мы должны вспомнить, что критика разума И. Кантом завершается установлением границ его возможностей и выделением антиномий [1]. В данном случае критика – это рассмотрение содержания смыслов, которые артикулируются в дискурсе, и тех возможностей, которые имплицитно в них присутствуют; однако отметим, что возможна ситуация, когда внешне вполне позитивные смыслы в результате экзистенциального анализа показывают свою несостоятельность, и наоборот. Итак, одной из достоинств экзистенциальной прагматики является то, что она в состоянии *рассеять иллюзии*, которые могут возникать под впечатлением убедительности некоторого смысла, который чаще всего оформляется в виде идеи; исследователь по экзистенциальной прагматике как бы напоминает инженера, который при рассмотрении некоторой идеи говорит самому себе, что эта идея, в общем, заслуживает внимание, но надо *посмотреть, к чему приведет ее осуществление*, и выяснить, так ли она полезна; но, в отличие от инженера, у исследователя отсутствует возможность практической апробации идеи; однако он имеет возможность выяснить, *каким образом* тот или иной *смысл может реализоваться в существовании*. Понятно, что для этого экзистенциальная прагматика обращается к *непосредственному существованию субъекта*, которое и есть осуществление смыслов, которые являются содержанием его сознания; но опять же возникает вопрос: можно ли что-либо подсказать субъекту? В некоторых случаях это необходимо, поскольку дискурсивная рефлексия во многих случаях не так эффективна, как это кажется; тем более, как уже отмечалось, смыслы имеют различную актуальность, а некоторые из них скрываются от самого себя по причине их несоответствия этическим требованиям. Проблема еще состоит в том, что субъект, охваченный потребностью реализации артикулируемых смыслов, не отдает отчета о характере своего осуществления, «закрывает глаза», отказывается видеть, например, насилие, которое использует по отношению к другому, более оправдывает его некоторой необходимостью; и особенно это очевидно будет при рассмотрении дискурса протестного субъекта, который провозглашая необходимость свободы, тем не менее, отрицает ее наличие у другого, по отношению к которому применяет насилие; это противоречие он не в состоянии осознать, даже если слышит предостережение. С чем это связано? С тем, что каждый субъект, в том числе и протестный, *находится «внутри» дискурса*. Что означает это «внутри»? Это означает, что *он осознает только то, и таким образом, как это необходимо в соответствии со смыслами существования*, посредством которых он реализует самого себя; поэтому все тот же протестный субъект воспринимает предостережения в лучшем случае как проявление непонимания, а в худшем – как агрессию по отношению к себе.

Тогда в чем состоит назначение экзистенциальной прагматики, если субъект никого не слышит, кроме самого себя? В том, чтобы показать, каким образом смыслы, артикулируемые в дискурсе, определяют существование; и следует согласиться в том, что от философии не следует ожидать какого-либо применения, по аналогии с точными науками; тем более опыт не только марксизма, но и либерализма показал, что нельзя буквально понимать положения, которые в

философии принимаются за истинные; назначение философии, в том числе и экзистенциальной прагматики, состоит в том, чтобы обозначить проблему, указать на некоторую возможность, выявить своеобразие понимания мира и проч. Но, тем не менее, экзистенциальная прагматика позволяет использовать возможности критики субъективности; и следует отметить, что использование критики можно видеть у большинства представителей экзистенциализма; например, М. Хайдеггер подвергает критике повседневность следующим образом: «Средняя повседневность становится слепа к возможностям и успокаивается одним «действительным»», – или далее: «Повседневность понимает присутствие как подручное, которое озабочивает, т. е. подлежит управлению и расчету» [12, с.159, с.237]. В первом высказывании показывается, что повседневность ведет к пассивности, неспособности использовать открывающиеся возможности; во втором высказывании выделяется, что повседневность предполагает корыстное отношение к сущему, которое может быть использовано для самого себя. Обращает на себя внимание также критика Ж.-П. Сартром «второй установки» по отношению к другому, а именно, безразличия, желания, ненависти и садизма; вот каким образом Ж.-П. Сартр характеризует ненависть: «Но ненависть, в свою очередь, является поражением. Ее первоначальный проект в действительности является проектом ликвидации других сознаний» [3, с.424]. Обратим внимание, что критика в этом случае состоит не только в отрицании некоторой экзистенции, переживания и проч., а пояснению, к каким последствиям приводит легализация; в результате тот, кто переживает ненависть, стремится «ликвидировать другое сознание»; тем самым переживание – это не только характеристика рефлексии, а еще и отношение не только к самому себе, но и другому; отношение, которое само по себе уже представляет собой деструктивное воздействие. Итак, в отличие от феноменологии, которая относилась к переживанию только к сфере сознания, экзистенциализм рассматривает переживание так, как оно реализуется в существовании; и только критический анализ помогает понять, каким образом проявляется его своеобразие.

В экзистенциальной прагматике допускается *субъективность дискурса*, как раз то, что категорически отрицается в трансцендентальной; она предполагает, что субъект существует как бы сам по себе, хотя и имеет отношение к другому; могут возникнуть предположения, что она «все разрешает», в ней «все можно», поскольку нормы и правила возникают не в результате универсализации, а в соответствии со своеобразием субъективности; поэтому возможно *обвинение экзистенциальной прагматики в релятивизме*: и, тем не менее, при оправдании субъективности такой упрек будет несправедливым, поскольку не следует забывать, что экзистенциальная прагматика предназначается для критики субъективности. В отличие от трансцендентальной, экзистенциальная не отворачивается от темных сторон субъективности, от насилия, лжи, лицемерия и проч., но она показывает и дискредитирует их (см.[12, с.192-220]).

Вывод. Гуманизм экзистенциальной прагматики состоит в том, что она действительно *допускает субъективность*, но при этом посредством рассмотрения содержания смыслов и характера дискурсивной практики, показывает, к чему может привести вседозволенность, произвол и проч. Если трансцендентальная «приказывает», *не позволяет принимать иные нормы, кроме универсальных*, то экзистенциальная – не запрещает субъективность, а только показывает, к чему

могут привести ее негативные проявления, например, переживание ненависти. Как показал Ф. Ницше, формальное признание морали также может быть негативным проявлением субъективности [2]. Экзистенциальная прагматика следует этому, поскольку признает право на признание в качестве истинного любого высказывания.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном, М. И. Уткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М. : Эксмо, 2006. – 736 с.
2. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей [Текст] / Ф. Ницше ; пер. с нем. Е. Герцык [и др.]. – М. : Культурная Революция, 2005. – 880 с.
3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М. : Республика, 2000. – 639 с.
4. Сартр Ж.-П. Проблемы метода [Текст] / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр. В. П. Гайдамака. – М. : Прогресс, 1993. – 240 с.
5. Слотердайк П. Критика цинического разума [Текст] / П. Слотердайк ; перев. с нем. А. В. Перцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 584 с.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности [Текст] : работы разных лет / М. Фуко ; пер. с франц.- М. : Касталь, 1996. – 448 с.
7. Фуко М. Интеллектуалы и власть [Текст] : избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко ; пер. с франц. С. Ч. Офертаса ; под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М. : Праксис, 2002. – 384 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Ю. Хабермас ; пер. с нем. ; под ред. Д. В. Скляднева. – Изд. 2. – СПб. : Наука, 2006. – 379 с.
9. Хабермас Ю. Расколотый Запад [Текст] / Ю. Хабермас ; пер. с нем. О. И. Величко, Е. Л. Петренко ; науч. ред. Е. Л. Петренко ; ред. М. М. Беляев. – М. : Весь мир, 2008. – 192 с.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне [Текст] / Ю. Хабермас ; пер. с нем. – М. : Весь Мир, 2003. — 416 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.
12. Хайдеггер М. Время и бытие [Текст] : статьи и выступления / М. Хайдеггер ; сост., перев., вступ. ст., коммент. и указат. В. В. Бибихина. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
13. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения [Текст] : в 2 т. Т. 1. / Ф. В. Й. Шеллинг. – М. : Мысль, 1987.– 637 с.

Волков А.Г. Від трансцендентальної до екзистенціальної прагматики // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – С. 22-29.

У статті обґрунтовується можливість екзистенціальної прагматики, а саме, її передумови. Досліджується її спільність, а також відмінність з трансцендентальної прагматикою. Обґрунтовується необхідність суб'єкта дискурсу, виділяються різновиди.

Ключові слова: дискурс, прагматика, екзистенціалізм, комунікація, суб'єкт,

Volkov A. From transcendental to existential pragmatics // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol. 24 (63). – № 2. – P. 22-29.

In the article possibility of existential pragmatics is grounded, namely its pre-conditions. Its community, and also distinction, is probed with transcendental pragmatics. The necessity of subject of discourse is grounded, and varieties are selected.

Key words: discourse, pragmatics, existentialism, communication, subject.

Статья поступила в редакцию 15.09.2010.